

ТАЙНОЙ ДОБРОТЫ СОГЛЯДАТАЙ,
ИЛИ БУНТАРСТВО СЛОВ В РАСШАТАВШЕМСЯ МИРЕ

*«Над землю тяжелые тени
Все темнее и шире,
И грохочут глухие каменья
В расшатавшемся мире...»*

*«...что за истины сулит нам
Смирненное бунтарство слов?»*

Борис Непомнящий

Любителю поэзии (кажется, такая разновидность homo sapiens еще существует) предстоит познакомиться с интереснейшим поэтом, незаслуженно обойденным вниманием литературных критиков и остепененных филологов. Может быть, потому, что школьный учитель литературы Борис Иосифович Непомнящий не считал стихотворчество своей профессией и стихи его знали только друзья, родственники да ученики; может быть, причина в том, что на околотитературных чиновников творчество брянского словесника, не обремененное фальшивой патетикой «строителя коммунизма», не производило должного впечатления, – поэзия Б. Непомнящего не вошла ни в советскую, ни, позже, в российскую литературу как ее естественная часть. Но вероятно и другое: слишком элитарна, сложна и, если позволите, – слишком *поэтична* эта поэзия. И слишком не похожа на те стихотворные образцы, которые осенены именами и русских классиков XIX века, и выдающихся поэтов советского времени...

Есть разница между поэзией и стихосложением. Последнее (его еще называют версификацией) относится к первому как умение к мастерству. Или как способность к таланту. Стихи Бориса Непомнящего показывают сразу и мастерство, и талант автора. То есть живут на необъятных просторах королевства Поэзии. Многие умельцы, овладевшие искусством ритмического построения речи и рифмования строк, пытаются поселиться на этих просторах, но чаще всего им приходится довольствоваться скромными участками типа небольшого хутора. Крупному таланту уготовано владеть большими территориями и постоянно их расширять. Рано или поздно наступает время, когда музы трубят о поэте по всем поэтическим садам, полям, во все пределы...

Но существуют территории самой поэзии как таковой. Вернее, территории поэтических сюжетов, какого бы свойства они ни были – идеального или материального. *«Я вас любил: любовь еще, быть может...»*; здесь территория сюжета – *душа*. И за пределами ее ничего не должно быть, иначе сюжет расплзается и целостности стихотворения как не бывало.

Читая стихи Б. Непомнящего, испытываешь не только озадаченность в связи с непривычными, порой даже просто нешифруемыми метафорами; больше всего недоумеваешь по поводу отношения поэта к миру, к человеческому бытию с его большими и малыми событиями. Но трудно обнаружить в стихах поэта некую мировоззренческую доминанту – как своего рода электромагнитное поле, в котором единым целым предстает поэтический кругозор автора, очерченный границами, за которыми – уже другой, не его кругозор. У каждого настоящего поэта есть свой художественный ареал – хоть у Гомера или Шекспира, Софокла или Данте. Каким бы широким ни был этот ареал, у него свои пределы, свои «натопанные дорожки»...

Увидеть искомую доминанту никак не удавалось. И, наверное, она и не далась бы, если бы не сын поэта, Игорь Борисович, сам замечательный поэт; он объяснил мне, почему книга называется «При свете Полярной», и казалось бы все сошлось: автор дал такое имя сборнику по очень простой, хотя и далеко не очевидной причине – все стихи в сборнике о России, над которой извечно сияет Полярная звезда, как защита ее и талисман, символ ее и указатель местоположения в «земной вселенной». Однако такая метаметафора (по слову К. Кедрова) несет лишь сообщение о привязке творчества к историко-культурному и климатологическому локусу, но ничего не говорит о ментальной установке автора на отбор материала для поэтической обработки. Тем не менее индикатор был объявлен, и он указывал на «холод», «север», «непогоду» – индикаторы *ненастыя*. Правильно указывал, и можно обнаружить немало в стихах Б. Непомнящего того, что *холодно* и *мокро* (или способно быть холодным и мокрым). Вот лишь некоторые примеры.

Шелесты дождя, раскисшая глина, примороженное днище, испарение льда, лед на стекле, промокший платок, дорога во льду, волны, река, влажный берег, сырые холодные рытвины, дождями промытая межа, вселенский мороз, груз дождя, сырой туман, холод ночи, озерная вода, осенние сухие холода, свинцовость луж, разжиженная грязь...

Да, холодно и мокро; Россия, однако...

Впрочем, кроме этих примет страны, осененной Полярной звездой, в стихах Б. Непомнящего оказывалось еще много чего, что невозможно было втиснуть в парадигму северных широт. Во всяком случае, *эйдос* (идея-образ), выраженный в одном из стихотворений, – «*тайной доброты ошеломленный соглядатай*» – точно не имеет отношения ни к каким широтам.

В данном случае ошеломленным соглядатаем был я.

Читаю:

Где *строгая* царит пирамидальность
Над *робкою* прозрачностью аллей,
Он *осязал* как некую реальность
Высокомерье старых тополей.
А в двух шагах, - *отчаянно рискуя*, -
Девчонка, до *безумья осмелев*,
Трудилась, *безнаказанно* рисуя
Готические профили дерев.

Ладно, *пирамидальность тополей* – понятно, это красиво и точно; но *строгая и царит* – это к чему? А *робкая прозрачность* аллея – о чем? *Высокомерье* старых тополей – на что намекает? Почему рисующая профили деревьев («готические» – тоже красиво) девочка *отчаянно рискует* (чем рискует?), *осмелев до безумья* (!) и рисуя *безнаказанно*? Что, какой смысл несут в себе все эти оценочные суждения? Ведь не может быть, чтобы они были произвольны, ниоткуда и никуда, не имажинизм ведь, явно далеко это от Мариенгофа, Шершеневича и Кусикова с Ивневым.

Остается предположить: все мои вопросы и *должны* возникать как вопросы, только не как риторические. На них *надо отвечать* – или смысл стихов не будет схвачен. Да, вся эта загадочная лексика и фразеология выводит стихотворение в пространство, не предусмотренное непосредственным содержанием, воплощенным в словах «Он **осязал** как некую реальность **высокомерье** старых тополей». Но к этому *осязанию высокомерья* подтягивается *отчаянный риск* девочки-рисовальщицы с ее *безнаказанностью*, что выносит сюжет в другое пространство, о границах и содержании которого можно гадать – однако не вызывает сомнения, что территория, на которой происходит описываемое событие, – не имеет строго очерченных границ: она открыта в большой мир, где разворачиваются другие сюжеты, на которые намекают «странные» словечки стихотворения.

Этот мир обжигаящим ветром продут, (обжигаящим,
потому что ледяным)
Коченеет в отрепьях репей, (Мир обмороженный, в котором
бедный репей замерзает)
А снега – не идут, хоть убей – не идут,
А снега не идут, хоть убей.
(Снега *должны* идти! – а не идут, нарушая законы природы!)
Не идут, ибо срок обновленья истек,
(какой срок, какого обновленья?)
И в теченье последних недель
Облетевшая роща – как Ноев ковчег,
Неприкаянно севший на мель.

(Смелое сравнение рощи с ковчегом не помогает объяснению, почему ковчег сел на мель *неприкаянно*. Из какого пространства залетело сюда это словечко? Чтобы ступить на путь понимания, может быть, надо обратиться к Библии, но не факт, что мы обнаружим там устраивающий нас ответ).

Конечно, было бы наивным полагать, будто перед нами стилистическая неряшливость: слишком очевиден густой налет классики на стихах Б. Непомнящего.

*Приморожено днище. Дичанье и мор...
Не подняться его парусам...
И стучит, не смолкая, железный топор
По корням, по корням, по корням.*

Символизм? На что намекают слова «дичанье и мор»? О чем – «железный топор»? По каким «корням» он стучит? Почему днище приморожено? Всего этого не понять, если не признать все эти метафоры свидетельствами особого мирозерцания поэта, когда самые далекие друг от друга пласты и феномены жизни, оказывается, не только не далеки, но связаны между собой незримыми связями – для обыденного сознания незримыми, но видимыми пронзительному взгляду художника.

Что касается *налета классики*, то вот еще свидетельство, и пусть кто-нибудь докажет, что это не классика.

*Еще не знать имен растений,
Но с каждым быть уже на ты
И принимать без опасений
Их лаконичные черты,
Следить за вешним беспорядком,
Где формы древние новы,
И отдавать себя догадкам
О гениальности листвы.*

Это просится к выучиванию наизусть. И не требует комментариев, как не требуют их, к примеру, многие стихотворения русских поэтов, посвятивших природе лирические шедевры, – Тютчева, Фета, Заболоцкого, которые хочется не объяснять, а просто учить наизусть, чтобы твердить их про себя «в минуту жизни трудную» или «под настроение».

Вывод: стихи Бориса Непомнящего выводят свои непосредственные сюжеты далеко за пределы их содержания – в большой мир, обозначенный метафорическими символами (или – символическими метафорами, кому как больше нравится). Не символическими смыслами, не символической лексикой, как в русской поэтической классике, а необычными, не принадлежащими сюжету стихотворения метафорическими эпитетами, каждый из которых, как стрелка компаса, указывает на некую, несомненно существующую, но неведомую часть мира. Внимательный читатель должен сам, без подсказок, представить себе эту часть – в соответствии со своим знанием о мире...

Когда знакомишься с текстами ранее неизвестного тебе автора, да к тому же постоянно озадачивающего тебя необычностью художественного стиля, – невольно пытаешься вставить его в испытанный временем и критиками ряд. Видимо, здесь проявляет себя некий психологический закон: чтобы принять новое, надо найти для него аналог или, по крайней мере, хоть какую-то похожесть – в том, что ты хорошо знаешь.

Но вот незадача: поиски этой похожести ни к чему не приводят – если, конечно, не прибегать к натянутым, искусственным аналогиям и сравнениям. В одно и то же время с Б. Непомнящим творили такие мастера, как Д. Самойлов, Ю. Левитанский, Б. Слуцкий, В. Соколов, А. Кушнер... И немало других, известных, знаменитых, гениальных. Но поставить Б. Непомнящего рядом с ними можно только по степени дарования поэта, но не по манере (форме, стилю), или тематике, или пафосу – гражданскому, философскому, этическому... Он стоит особняком.

Одна из примет высокой поэзии – ее афористичность. Частая цитируемость стихотворных строк Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Некрасова, Блока, Маяковского, Мандельштама, Пастернака (этот ряд можно долго продолжать) не оставляет сомнений в верности этого тезиса. Как обстоит дело с афористичностью стихотворений Б. Непомнящего? Вот несколько совершенно разных, наугад выхваченных цитат.

«...дальтонизм души».

«Из великих метафор выветриваются сравнения,

И спасения Словом уже не приемлют всерьез...»

«Не приведи, Господь, быть вечно правым...»

«Не прошу ни хлеба и ни крова, не ищу ни славы, ни любви...»

«Пора неторопливых истин...»

«И будет прожит час, который не был прожит».

«Реплики становятся короче, паузы становятся длинней».

«...архивы, хранители остывшей суеты».

*«Все живут на границе, На сквозном рубеже, Где не могут сродниться
ЕЩЕ и УЖЕ, Где уже осторожно Обозначена суть, Но еще невозможно
На нее посягнуть».*

«... и деревья всегда одеваются мхом больше с северной стороны».

«Однообразие контраста вам тоже скоро надоест».

«То ль смиренность, то ли одичанье?...»

*Ни добрее не стал я, ни строже – Разве только, взрослея, душа Обо всем,
что с годами дороже, Научилась судить не спеша».*

« Будет красный огонь в печи, Будет белый снег за окном.

Перед белым снегом молчи, Исповедуйся перед огнем».

«... грустные умы

Дают неполноценные ответы».

«Не правда ль, восхитительное средство –

По мелочам браня самих себя,

Являть «принципиальное» кокетство?!»

«...кто сказал, что мир устроен мудро, Когда свободы и в просторе нет?»

Допускаю, что путь к афористике у этих и многих, многих других строк Б. Непомнящего окажется непредсказуемо долгим. Может быть, – протяженностью в несколько поколений; но верю: масштабное признание поэта неизбежно станет обыденным и никем не оспариваемым фактом, а цитирование его стихов – нормой литературоведческих статей.

Так что, дорогой читатель, ты стоишь у истоков этого признания!

*Валерий Лысенко,
кандидат философских наук*